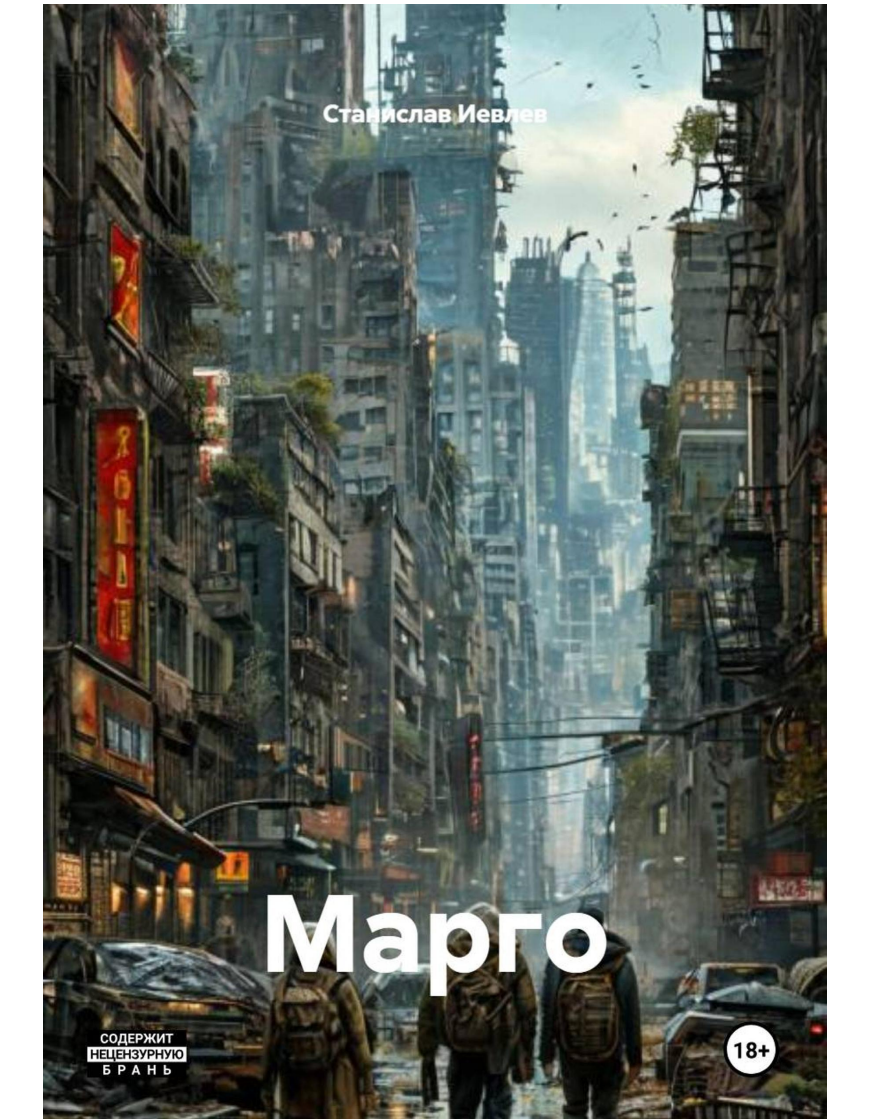

Станислав Иевлев

Марго

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Станислав Иевлев

Марго

<https://litres.ru/73934369>

SelfPub; 2026

Аннотация

Постапокалиптический город... выжившая после непонятной Катастрофы половина человечества пытается прийти в себя и хоть как-то восстановить свою жизнь... и вот два бродячих уличных музыканта находят третьего члена своей группы - не совсем человека... с очень необычными способностями... и что-то неуловимое в их тоскливом существовании сдвигается с мёртвой точки... только вот в какую сторону?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

42

Станислав Иевлев

Марго

Посвящается И. Д. С.

ПРЕ-АМПУЛА

Мне приходилось слышать, будто гипнокассеты хранятся вечно, но даже следующее поколение может не найти ничего интересного в моём рассказе. Время – ржавчина мира, и память – консервант его. Мир на наших глазах и на глазах Бога ведёт свою обречённую борьбу со своим угасанием и разрушением, и моя мнемозапись рискует оказаться бесполезной: за три года наше обмелевшее общество далеко продвинулось от цивилизации к варварству. Однако в целях соблюдения хотя бы иллюзию порядка в Поднебесной (наше вам, стопочтенный Кун Цю) мною был изобретён определённый ритуал, помимо прочего нехило подсобивший прибраться на собственном, изрядно покосившемся чердаке: один час каждого из пяти последних вечеров я, как умея очинив стило моего красноречия, исправно посвящала... то есть посвящал воспоминаниям, как больше стремясь ничего не упустить, в то же время стараясь не особо стараться, дабы результат не казался слишком уж вымученным, а кроме того, непрестанно дёргала... дёргал моего верного R: как известно, самые нечаянные свидетели прошедших событий могут добавить

много такого, что частенько упускается их непосредственными участниками – снаружи посудной лавки слона за прилавком видать стократ лучше. Тем паче, R потомственный татаро-монгол, и наблюдательность у него в крови.

Меня часто спрашивают – эй, а не выдумки ли всё это? Провокация стара как мир, и любое моё слово выглядело бы неуклюжей потугой отмазать заведомое враньё, так что отвечать я избегаю – думайте что хотите. И мне, и R правда известна, и нам этого вполне достаточно. Хотите разделить её с нами – велкам. Хотите вытереть об неё свои грязные копыта – что ж... от правды не убудет. Ежели рукописи, особенно электронные, даже не горят, что им до ваших копыт?

Пользуясь случаем, хочу упредить и заранее извиниться перед тем, кто ожидает услышать на этих кассетах что-то наподобие хроники – приступая к записи, я вовсе не задавался составлением некой летописи конца света и в первую голову намеревался обессмертить нечто дорогое для меня... для меня и, надеюсь, моего друга... пускай и в виде закодированного на мнемокристалле сигнала (нотка неуверенности в моём голосе подсказывает, что истинная причина много глубже). Прости мне мой авторский эгоизм, о неизвестный слушатель. Кто знает... может, именно тебе достанется шанс сделаться очередным переписчиком учебника нашей самой новейшей истории, откуда дети наших детей будут узнавать, что стряслось с доставшимся им миром. Кто знает, кто знает... этого человеку знать не можно.

Мой рассказ – о необыкновенном маленьком существе с большим сердцем и тонкой душой, ненадолго вошедшем в нашу жизнь вкрадчивой бесшумной поступью и столь же скоропостижно её покинувшим. Как мимолётное виденье, как гений чистой красоты... ах, сколь неумны ваши жёлчные смешочки – бедные, вы даже не представляете, насколько нечем вам противостоять той засасывающей вас пропасти, что ждала бы и меня, не встретить я мою героиню. О, Марго! Не устаю благодарить тебя за твой английский уход – ведь я...

... ведь я никогда так и не видел тебя МЁРТВОЙ.

ЗАПИСЬ НОМЕР ПЕРВАЯ

Неурочный *Спазм* потрянул сильнее обычного. Меня запо-рошило бетонной крошкой, R так вообще снесло с раскла-душки. Будильничек, мать его... ладно, и так вставать.

– Старость, – бубнит спросонья друг, выпутываясь из об-ломков. – Раньше бы плюнул и растёр – теперь забивающая голову проблема. Теперь меришь по тому, на сколько пере-жил Есенина, Пушкина, Гоголя, или Льва Толстого... если очень повезёт, и Солженицына. Старость... всё, что нрави-лось прежде, нынче не нравится. И наоборот. И это уже на-всегда. Ходют, всё ходют мимо, фигурируют своей дурацкой, никому не нужной молодостью... натоптали тут...

Утренний R ворчлив и недобр, как начинающий стекла-неть подкисший рыбный пирог. А тут ещё кофе с сахарином

вышли... и если бы только они.

– Тебе двадцать... два, старче, – пытаюсь шутить с дальним прицелом – коли сразу такое не сбить, будет до выступления брюзжать, а зритель – судья хоть и неизбалованный, но всё же довольно придиричивый, а главное, весьма и весьма прижимистый.

Р восстаёт из руин и тащит себя к рукомоюнику.

– Старость! – возвещает он потолочной трещине в соль-мажоре, и у меня мало-мало отлегаёт – друг в норме (читай: смирился). – Старость! Она вся полна отживших фанаберий, она сотрясает своими дряхлыми боеприпасами, она... – Р плещет себе в лицо и ненадолго отвлекается. – Она – заржавленный ключ от истлевшего замка на двери в никуда. Весь поинт уже в том, – бросает он через мокрое плечо, – что ты не можешь вдруг залиться слезами жаркими и безжалостными. Но только лишь расслабленными и сентиментальными.

«Нет, философ, я тебе возражаю: некоторые лишены и этого», – язвит в подвздошь мышка-мыслишка.

– Эх, знать бы о жизни что-то важное, нестерпимое... но уж сие не означает, естественно, что сама жизнь важна и нестерпима! Не означает... но и не вступает в противоречие, впрочем. Так пой же песни горечи и содрогания, пройдя отметку «середина жизни»! – пройдя на середину «студии», раскладушечный философ утирается собственным свитером, раскорячивается горделивым фертом и воздевает перст горе. – Застегнись скорее на все пуговицы

афоризмов, скандируй цинические формулы счастья, коллекционируй опыты бездарности и безнадёжности! Живи, радуйся, восторгайся, печалься, безумствуй, священнодействуй – энтропия всё равно своё возьмёт! Аллегро! Фортиссимо! Закладывай скверные мины при блистательной игре! Устрой сообразный летам своим образ бурной безжизненности, к коей был ты подготовлен всею историей детства своего, смысла своего и всех сомнений своих! Сохраняй всё мгновенное, и тогда сиюминутное покажется тебе вечным! «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!» – не врал старик Йоханн, не врал самолюбивый романтик, всё так, всё так, не спорь, мой омерзительный безногий друг! Вот только не надо, не надо делать из жизни далеко идущих выводов, понеже жизнь – это... это... это всегда ссылка! Предсмертие, если угодно! Генеральная репетиция!

Умытый и наконец-то облачившийся R склоняет голову набок и косит на меня левым косящим глазом. Чего это я безногий-то?

– А может, если жить не каждый день, жизни на дольше хватит? Промедление, быть может, смерти и подобно, но гораздо более того именно бессмертие похоже на вечное, неизбывное промедление! Может, стоит лечить подобное подобным: например, смерть лечить промедлением? Так?

– Зачётный анамнез. Достоинно пера маляра, – усмехаюсь я, отпихивая шуляка от умывальника. – Это следовало бы сделать транспарантом и повесить над Проспектом. А рядом

– тебя.

– Ты завистник и сердишься – значит, я прав, – пихается R в отместку, и пару минут мы пыхтим и боремся. – Что ещё в этой жизни найдётся более непостижимого и бездонного, чем сама жизнь? Вот разве что макароны с сыром... кстати, о макаронах.

Вялый запал тухнет сам собою.

– Вчера съели последнюю луковицу.

Какое-то время молчим. В углу из вентиляционной отдушины что-то нервно капает. За окном обрастает штрихами привычный городской шум: сухое машинное шварканье инструмента, придушенные журчание толпы, шмелиный перегуд заград-цеппелинов.

– Пройдёмся разок, что ли, – буркает R, подтягивая за перевязь выдавшую виды басуху, я поспешно хватаюсь за свою шестиструнку. – Давай вот... с этого места. И-и-и ван, ту-у-у, ван, ту, фри, фо!

ВНЕНОМЕРНОЙ СПРАВОЧНЫЙ БЛОК

(для удобства помещён на отдельную гипнокассету)

Что и почему стряслось в ту ужасную предрождественскую ночь, головастики спорят и по сей день. Работа у них такая, спорить. Что ни говори, а нечто, в считанные часы буквальной образом развеявшее прахом добрую половину человечества, для научных диспутов объект самый что

ни на есть подходящий. Урбанисты катят бочку на проснувшийся Чернобыль, космисты вешают собак на инопланетян и в крайнем случае согласны на заблудившийся метеорит, натуралисты предъявляют взбесившейся матушке-природе, глобалисты раскрывают происки мирового заговора, фундаменталисты уверяют в божественном вмешательстве, социалисты – во вмешательстве фундаменталистов, и так далее. Сходятся лишь в описании: резкая, прожигающая веки вспышка, затяжной упругий толчок, странная лёгкость в голове и теле, заложившие уши и носоглотка, сырокartoфельный, как от жёваной промокашки, привкус. И глубокий продолжительный обморок – у кого с полдня, а у кого и все целых три. Очнувшись, бежали к окнам, а там...

Видимо, неосознанно отгораживаясь откровенно пошло-ватеньким юморком от чудовищной действительности и при этом поспешно заговаривая зубки самоуспокоительному «но ведь мы-то живы!», с лёгкой руки – вернее, языка – пожелавшего остаться неизвестным остряка трагедию осмеяли *Катаклизмой*. Сальность прижилась моментально, а вот прикрытая ею искалеченная реальность выздоравливала трудно и с осложнениями.

На удивление быстро оправившись и оплакав пропавших без вести, чьё бесследное исчезновение всё-таки оставляло какую-никакую надежду, люди принялись разгребать завалы и строить новый мир – «благодаря» колоссальной разрушительной мощи необъяснимой *Катаклизмы* восстанавливать

старый вышло бы попыткой склеить разлетевшуюся вдребезги чашку. К тому же – в этом не признавались, но по глазам читалось более чем отчётливо – никому не хотелось копаться в погибшем таким образом прошлом, как бы поначалу обжигаяще родно и больно ни было найти под развалинами балкона семейную фотографию или обгоревшую детскую игрушку. Одно дело – выгрести подальше останки рухнувшего потолка и заткнуть дыру куском шифера или огрызком весёленького билборда с рекламой доступного жилья, и совсем другое – реконструировать по кирпичику «как было раньше», с каждой встроенной на прежнее место лепнинкой растравляя незаживающую рану всё глубже и глубже.

И загрохотала уцелевшая строительная машинерия, и зачалили уличные костры и полевые кухни, и засуетились разноцветные одежды и одежонки. Загорланили – на первых порах опасно, потом всё зычнее и начальственнее – выборные бригады. Работа – универсальное средство отвлечь и даже развлечь себя, а также безотказный убийца времени, это вам каждый ИБДшник подтвердит. Разруха, раззявившая было свою гнилозубую пасть, нехотя отступала.

Связь наладили быстро. Эфир незамедлительно заполнили расплодившиеся как кролики частные радиостанции одиночек-энтузиастов, внеся бесценную лепту в подсчёт потерь и относительно непредвзято освещая с разных сторон отдельные аспекты текущей ситуации в мире. В частности, выяснилось, что сильнее прочих пострадал Запад, менее

остальных – вероятно, в силу географической обособленности – Австралия и Океания. Утихшие было споры о причинах катастрофы разгорелись по новой: технократы хором завопили о прямой связи нанесённого урона с уровнем технологического развития страны-реципиента, геофизики – о том, что ноги *Катаклизмы* растут-де из треснувшей земной коры, политологи – о долго вынашиваемой интервенции герметического альянса государств третьего мира, доморощенные эксперты – о чём-то своём, диванном. Верными своей позиции осталась лишь оппозиция верующих всех мастей – тут на ум приходит поговорка о божьей росе. Да, чуть не забыл! – обе Америки не откликаются до сих пор. «В сущности, – неpolitкорректно ёрничает R, безуспешно ловя *Voice of America* на нашем отреставрированном «Маяке», – в сущности, Запад был бы даже хорош... когда бы из него изъять всё западное. Бог не фраер, всё видит. Когда пресыщенный ковбой, этот некоронованный кинг оф де ворлд, под «Янки Дудль» швырялся в несогласных с его моделью Вселенной своей толерастической демократией с обеднённым ураном, зуб даю на отсечение – гамбургер казался звездато-полосатому патриоту пуще олимпийской амброзии. Но стоило, фигурально выражаясь, из его провонявшего вьетконговской сельвой вещмешка пропасть рулону туалетной бумаги, пиндос испуганно пёрнул и сгинул вдогонку за «Титаником». Оу май гаш! Наша *Катаклизма* до зарезу показательна, мой друг. Где вы теперь, Штаты, хеллоу? Энибади хер? А про-

збавшие за чертой аутсайдеры вроде нас или тех же африканцев, чаю, и разницы-то особой не заметили – ну, делось куда-то вражье племя за речкой, ну делось и делось, как выживали, так и выживаем. Кто даёт своим винтовкам женские имена, кто несёт мир в каждый дом, вынося двери армейской «джамп-бутсой», видит себя как минимум Полом Баньяном или, на худой конец, Богом – пока не попадает в торнадо, которому его «Шарлин» что слону дробина. А кто с голой жопой рыщет по помойкам, кто насмерть грызётся в одиночку против толпы таких же за свой завтрашний день, становится как высечен из камня или дерева и готов ко всему. Что нам хорошо, Западу – *schmerz*¹! Осталось ещё узкоглазых от эгоцентризма отвадить – и здравствуй, о дивный новый Золотой век!» Вот же трепло.

В высших эшелонах предсказуемо разыгралась кровопролитная схватка за трон царя горы, а вот на кресло мэра баллотироваться почему-то никто не притязал, и после кассации третьих выборов кряду разгневанный Сам сам возложил «кепку Мономаха» на главу первого заместителя пропавшего городского главы. Новый эпарх, нахохлившись, произносил по двум правительственным каналам текст присяги городу, а некоммерческие радио гнали шлягеры 80-х и пургу. Что то, что другое, как всегда, большинству электората было что в лоб, что в полбу.

Не прекращая делить новоиспечённый «пирог» и препи-

¹ Боль (нем.).

ратся, кому под кем ходить, власти не забывали и о своих подданных, оперативно развёртывая активную деятельность махания кулаками после драки. Над обрубками высоток, пугая детей сиренами, забарражировали металлизированные цеппелины летучих заградотрядов – на всякий пожарный. В городах установилось жёсткое нормирование питьевой воды, пробудившее от летаргии спрута чёрного рынка и забытую профессию маркитанта; ввёлся крайне необходимый комендантский час, который никто и не думал ни соблюдать, ни следить за его соблюдением; вынесен закон-проект декрета о создании единой мировой валюты, на что внизу отреагировали малой бескровной революцией и самоуправно заменили старый добрый рубль чем бы вы думали? – стеклянными черепками! «Кин-Дза-Дза!» с «Фоллаутом» нервно курят одну на двоих – куда там тамошним крышечкам и «обломкам кавказской керамики»! Чуткий к вибрациям подпольной экономики курс *гласкоина* устаканился феноменально быстро и уверенно, а завидная обеспеченность, синтетическая бартерная конвертируемость и топовая ликвидность всецело объяснялись непреходящей ценностью запасов сохранившегося стекла, поскольку – удивительно, но факт! – вслед за пропавшими без вести из нашего постапокалиптического мира практически исчезла и эта хрупкая оконная субстанция.

Ежеутренне по центральному радиоканалу (ТВ всё не работало) транслировались актуальные сводки с полей и вор-

ковались оптимистические новости, ежевечерне их уточняли, а то и напрочь опровергали независимые диджеи. Рубить голову этой гидре было всё равно, что тушить искры бензином, и на них негласно махнули рукой, пустив, как почти всё остальное, на полуподконтрольный самотёк, в итоге чего обе стороны только выиграли – каждый занимался чем хотел и мог. Сложившийся расклад устроил всех, шаткий статус-кво был призван к порядку и водворён на полагающееся ему место. Немного придя в себя и зализав самые кровоточащие раны, жизнь продолжалась.

Всё вокруг виделось теперь совершенно по-иному... каким-то более, выпуклым, что ли, более чётким, более... настоящим. Словно та пронзительная вспышка, просветив извне самые потаённые уголки наших душ, за долю секунды выжгла дотла все выросшие поверх них шоры, мешавшие нам быть самими собой. Светлое и хорошее, стыдливо скрываемое годами, засияло так, что с непривычки было больно глазам – однако и идущее с ним рука об руку тёмное делалось ещё чернее и гаже, принимая всё более фантастические формы: не наигравшиеся подростками в любимых антигероев сбивались в банды и, не делая различий между я, очертя головы бросались бесчинствовать и мародёрствовать, мыкавшиеся по съёмным углам, компенсируя былую неустроенность, окружали себя дичайшего вида крепостями, которым бы позавидовала и иная средневековая фортеция, из кожи вон силясь переплюнуть ненавистного соседа – у

тебя забор выше? а мой – с электроколючкой – съел? – по окончании чего, едва подведя под крышу, на полном серьёзе затевали междоусобные разборки по всем правилам родоплеменных вендетт, даже пару «ведьм» сожгли – и смешно бы, кабы не так страшно: твой мир обрыдл, и мой обрыдл – у кого же из нас обрыдлее?.. да я вам всем сейчас морды понабиваю за мою любовь к родине, а за ваши любви – тем более! Нувориши раздаривали наворованные состояния и морили себя аскезой, а еле сводившие концы с концами исступлённо набивали наволочки дармовыми, прекратившими всякое хождение «деревянными» и, зарывшись в груды цветных фантиков, которыми бы ныне и бонист побрезговал, с чувством глубокого удовлетворения выпускали дух. Пронырливые как тараканы фантасты, чьи рептильные бредни поимели несчастье сбыться, радостно зарядились в ризы Иоанна Богослова и наперегонки застрочили было сиквелы к своим апокалипсисам, но быстро попрдержали коней: рухнувшая пенитенциарная система и обнищавшая мораль более не сдерживали несогласных с авторами читателей, благо рана была слишком свежа. Всё менялось, иногда – местами. Одни потребности примитизировались до полного наплевательства, другие, напротив, распухали до обсессивно-компульсивного состояния. Фобии выворачивались наизнанку и яростно плодили уродливых ублюдков, которых зачастую опасались даже сами объекты этих фобий. Ценности обесценивались и переоценивались на новый лад. Бог

и родина махнулись не глядя своими прописными буквами, фамилии и отчества отмерли полностью, имена атрофировались до бесточечных инициалов (наше вам, мистер Мэрион) и латинизировались во избежание нарушения межэтнического паритета нашего многонационального градонаселения, и как-то так сложилось, что из десятка теперешних тёзок оклику всегда отзывался именно нужный (примечательно, что всевозможные, даже самые завалящие бренды и, как ни странно, домашние питомцы свои именованья сохранили). Погань лезла на свет почём зря, давя в кашу своих и несвоих, в особенности из переполненных молодецкой удурью юношеских тел, но опьянённая вседозволенностью молодёжь на диво быстро выбесилась, отрезвела и с не меньшим азартом включилась в строительство будущего – своего будущего, временами по инерции ударяясь в обратную крайность и подрываясь упоённо состязаться промеж себя в отвращении к задымлённым отчизнам, да так, что летящие по закоулочкам клочки порою долетали и до наших с Рокраин: «Говорят ещё, мол, «И дым отечества...» – уж это дудки! И так страна – одно большое, памятное пожарище! У памятников, как и у беспамятств – свои постаменты! А бронзовым не много ль чести прозываться веку? Наш век свинцов! А иногда так даже, вроде, переходит в свинский!» Может, отчасти и прав был мой дорогой толстокожий друг, когда во время одного из приступов своей оральной диареи сравнил *Катаклизму* с медицинским кровопусканием, на-

звав её чудодейственным средством оздоровления мира, отсекившим лишнее, изжившим нежизнеспособное, отбраковавшим нароговавшее? *«Аще же око твое дѣсное влѣчетъ тя на зло, изми е и вѣрзи отъ сѣбѣ, унѣ бо ти есть, да погнѣнѣтъ Ѣдинъ отъ удъ твоихъ, а не всѣ тѣло твое ввѣржѣно будѣтъ въ геяну огнѣнную!»* – надувшись сладким газом самодовольства и щедро пересыпая вольный перевод «ерами» и «ятями», цитировал он Евангелие от Матфея, призывая апостола в свидетели своей правоты и непоследовательно добрасывая модную тему последствий демографического бэби-бума: «Надо бы уж и Земле расширяться, что ли, коль народы умножаются! А то иной недород на земле таков, что... что даже глобусы голодными сидят! А решение всех проблем зараз... так никто и не обещал, что панакея будет иметь вкус амриты!» Помнится, тогда я обругал его бездушным циником, посоветовал повторить сказанное во всё народное всеуслышание, только предварительно крепко помявшись и предупредив меня не выходить в этот день с ним из дому. «Что-то слишком... слишком глобальное решение, не находишь?» – отчего-то дико разозлившись, говорил я ему... да-да, именно так я ему и говорил... но вернись тот вечер в сегодня, трижды бы подумал.

Не будет большим преувеличением сказать, что рождённый ползать мир теперь изо всех сил учился летать, молотя по воздуху культияпками ампутированных конечностей. На израненном теле многострадальца, неизвестно кем почти

низвергнутого в бездонную чёрную дыру, как опёнки на лежалом трупе, сначала боязливой сапой, а, осмелев, так и в открытую, там и сям всеми цветами побежалости запестрели обитатели самого неожиданного вида. Судя по всему, без радиации *Катаклизма* всё же не обошлась, да и в воздухе, на самой границе видимости нет-нет, да и промелькивало что-то мелкое, мельтешащее, будто мушки летают, будто в жаркий день над асфальтом рябит воздух, да в горле поселилась едва ощутимая, но никогда не проходящая до конца простудная сухость. Головастики, не мудрствуя лукаво, записали метаморфозу «атипичной мутацией», мы же зовём эту дрянь попросту *Отклонениями* (наше вам, Татьяна Никитична). Фантасты, ошалев от обилия материала, наперебой заизощрялись в высасывании с потолка нового тренда – как теперь зваться виду, в который выродился сапиенс. В фестивале абсурда с приличным отрывом обскакал соперников шестиногий бицефал по кличке *Homo Anomalus*, продукт коллективного бессознательного брожения умов сталкерского комьюнити какого-то урюка из отдалённого уральского аула. Нет, конечно, оголтелый бестиарий наш город никоим образом не напоминает, и двухголовые тянитолкаи по улицам не ходят, но неординарный цвет кожи, лишний палец или там неполноценный третий глаз – зрелище уже, в общем-то, достаточно заурядное. К примеру, у моего R повыпадали в ноль все волосы и... ладно, не буду, дружан всё-таки... скажу лишь, что на басу ему теперь лабать ровно втрое

сподручнее. Моя же патология радикальна куда как более, ибо от нормы *отклонилась*, если можно так выразиться, по вектору транссексуализации нативной идентичности. Короче говоря, теперь я вроде как мужчина. Правда, есть одно неудобство – в самом интересном месте заколосилась дремучая колючая борода, и приходится регулярно брить, а такую красоту жалко.

А вот городскую животную фауну *Катаклизма* почему-то пощадила – разумеется, на свой лад и манер – ограничившись лишь тотальным истреблением с лица земли собак, грызунов и насекомых (передавали, что, в отличие от добела отутюженной южной Африки, в северной выжило море рептилий, но это, как говорится, уже совсем другая история). Кошки остались – и моментально сделались ходовейшим товаром ушлых торгашей: обезумевшие от потери своих чад родители спасались от петли всеми доступными способами. Злая *катаклизмическая* ирония заключалась в том, что все поголовно кисты – как одомашненные, так и одичавшие – выглядели так, будто от начала до конца светопреставления (конца ли?..) пересидели в нарнийском шкафу, выйдя оттуда без малейших признаков какого-либо *Отклонения*! Вот такие пироги с котятами.

Напоследок справочного блока – конспективно-ретроспективная интродукция главных героев, не так чтобы уж сильно лирических, но тем не менее. Думаю, самое время. Мой неизвестный слушатель по ту сторону гипнопроектора,

верно, уже в который раз мается вопросом о занятии вашего непокорного слуги и его экспансивного как пуля товарища, чем они дышат, кто по жизни и всё такое прочее. Возможно, его смутило неоднократное упоминание музыкальных инструментов – как, мол, так? вокруг тотальный ***, а тут какие-то бас с шестистрункой? Спешу же развеять твои непонятки, о неизвестный слушатель! Итак, действующее лицо номер раз – R. Сложения среднего, росту обычного, собою непримечателен, но цену себе знает – про таких говорят «дети проходных дворов» (наше вам, Виктор Робертович). Лыс, упрям, языкаст. Характер трудный, не женат. До *Катаклизмы* подвизался системным администратором в частной конторе средней руки, занимавшейся поставкой гидрооборудования (так, хохму про руки отставить). В отроческом возрасте был выучен дядей акустической гитаре, однако, набив руку дворовыми «лесенками» и «звёздочками» (да что ж такое!), ограничился репертуаром пресловутого «КИНО» и незаслуженно забытого «Рондо». Владелец редкой способности не вникать в песенный текст и одновременно искренне тащиться от басовой партии любого музыкального коллектива, будь то русскопоющая «Сфера», англовопящее *The Prodigy* или франкотанцующий *Pin-Occhio*. В прошлом ярый ценитель кожаных плащей, настольного тенниса и творчества Бориса Валледжо – именно в такой последовательности. Курит.

Действующее лицо номер два – S. Сложения subtilно-

го, росту выше среднего, собою внимание привлекающий, и весьма. Патлат, перманентно бородат, ухо проколото. Упрям, трезвый всё больше молчалив. Характер огнеопасный, но отходчивый, не женат (дважды). Перед *Катаклизмой* перебивался программированием софта самых широких сфер применимости и ненужности. В бытность свою студюзусом имел счастье пересечься с действующим лицом номер раз, косившем от армии в параллельной группе того же потока, кому и по сегодняшний день несказанно признателен за преподанные азы гитарной аккордовой грамоты. Некурящий.

Сегодня, по прошествии жизни, мне чрезвычайно трудно переоценить судьбоносность той роковой (верны оба удара) встречи. Угодив в одну физкультурную секцию специальной медицинской подготовки (читай: безнормативный загончик для дистрофанов, чтобы под ногами не путались), разговорились о «КИНО», потом о музыке в целом, быстренько пришли к общему знаменателю – и группа была создана. Такие мелочи, как моё тогдашнее неумение играть на гитаре, новорождённых рокеров ничуть не останавливали, а наоборот, мотивировали. Не хвастовства ради, но вящей справедливости для замечу, что под методическим руководством R (опять руки?) первая четвёрка аккордов (как живые, так и стоят перед глазами эти таинственные каббалистические гиероглифы: A_m , C , D и E_m – да-да, «Пачка сигарет», она самая!) была мною не покладая рук (уф-ф-ф...) вызубрена ровно за месяц. Месяц каждодневных занятий.

Такие отличные внешне, но чуть менее, чем полностью когерентные по своей сути, мы не могли, просто не имели ни единого шанса разминуться – одноимённые заряды отталкиваются только в учебниках физики. На дворе таяли 90-е, уходила в небытие Великая Империя, от звонка до звонка оттрубившая в свой гипсовый пионерский горн без малого семь десятков лет, умирала, унося с собою подаренное нашему поколению в рассрочку счастливое детство. На бледное чело безвременья напознала паучья тень миллениума, из всех подворотен сквозило ветром перемен, жилось тревожно и весело, как бывает стоять в День города на площади чересчур близко к подождённому фейерверку. Всё воспринималось просто и свободно, как должное. Мы не были ясно-видцами или записными мыслителями, как не были и снобами, наперёд не загадывали, смысла жизни не искали и наслаждались ею как она есть: посещали и прогуливали универ, напропалую прикалывались над окружающей нас повседневностью, пили вкусное дешёвое пиво, играли чужие песни и пытались писать свои. Друзья, лишённые непередаваемого кайфа от умения наконец-то кое-как зажать намозоленными пальцами непослушное красномедное баррэ, становились нашими первыми слушателями, и на первом же своём квартирнике рок-группа, окрещённая «Трансформатором» (мне очень нравилось звучное «ЭПИЦЕНТР», но против него категорически упёрся R), уже вовсю играючи попирала и ветхий *Nazareth*, и сладкоголосый *Uriah Heep*, и даже – поду-

мать только! – непререкаемый местный «ДДТ» (наше вам, Юрий Юлианович). Убелённые и не очень мэтры, правда, о том были ни сном ни духом, но разве такусенькой ложечке дёгтя под силу испортить огромную бадью «Крепкого медового»? Вот-вот.

Маленькая новая сверхновая продержалась на квартирном небосклоне долгих пять (!!!) лет и, едва начав выдыхаться, тихо-мирно ушла в закат, оставив после себя ворох любительских видео, десятка три шипящих звукозаписей и восхижительное послевкусие причастности к чему-то грандиозному. Однако спокойно почить в бозе «Трансформатору» было не суждено – едва отгремело эхо *Катаклизмы*, как он был призван на службу человечеству вновь – и после долгих раздумий, ссор и консенсусов воскрес в самой непредвиденной ипостаси. Образно говоря, мы с R решили... пойти по миру.

«Чего всегда хотелось человеку? – рассуждал я. – Хлеба, зрелищ и потрахаться. Первого мы дать не умеем, последнего и без нас до хрена и выше – так почему бы украсить этот торт свечами? Ведь если не мы, то кто?»

R, фактически соглашаясь, последнее слово оставлял, как всегда, за собой и витийствовал не в пример основательнее:

– Погрязший в выживании Хомо Аномалус, не знающий удержу даже здесь... и кто мы такие, чтобы пенять ему в этом? Такие же хомы и такие же аномалусы, бредущие в грядущее, неотрывно пялясь в гарцующего на горизонте журавля и не замечая, как топчем прикорнувшую под ногами

синичку. Мир наступил на горло собственной песенке, частушке, молитве... песня почти умерла... спасти, спасти её немедленно! Прохрипеть полузадушенную гортанью, не обращая внимания ни на слова, её составляющие, ни на смысл, её образующий!.. вот, вот призывание истинного стритзингера! Ко всему прочему, – тут оратор хитро ухмылялся, – от выпускников «спецмеда» на завалах всё одно никакой пользы. *Dixi!*

Странное дело – манера его говорения, при всей её книжности и *засмысловатости*, никогда не казалась мне натужно-выспренной, напротив – любая другая на её месте представляется мне сюрной аффектацией, как если бы деревенский Фома, забывший все слова, кроме слова «чума», подрядился читать в Кембридже курс фонетики с помощью русско-английского разговорника. Мало того – все мои попытки симитировать Р терпели сокрушительное фиаско, толком даже не начавшись, и более всего напоминали аппроксимативную реинкарнацию давнишнего самонадеянного поползновения вашего непокорного слуги повторить за восьмидесятидевятилетним Дэвидом «Ханибоем» Эдвардсом его такие с виду простенькие, если не сказать примитивные, мелодические и аккордовые ходы знаменитой *Going Down Slow*, когда я, весь из себя в белом, после получасового корпения над дивиди с *Crossroads Guitar Festival* замолил пощады и был вынужден признать сухое поражение: мой с иголочки «эпифон лес пол классик» решительно спасовал петь корявые ак-

корды, как попало зажимаемые на грифе обшарпанной перламутровой развалюхи жилистой чёрной рукой. Закругляя сю внеплановую ремарку, отмечу, что неудача имела и положительную сторону, заставив на всю жизнь (ах, как часто мы бездумно щеголяем этим оборотом!) зарубить себе разницу между *урождённым блюзменом* и *человеком, играющим в блюз* – конечно, нежели музыкальную конкретику, смысл я беру более общий.

Так наш дуэт оказался на улице (с названием решили не заморачиваться и оставили старое). Суровая реальность отрезвила быстро, без особого членовредительства, но несколькожды чувствительно макнув в дерьмо и с ходу раскидав на пальцах *who is who*². Оказалось, что драть струны на квартирнике в кругу близких друзей, начинавших аплодировать чуть ли ни с первых аккордов и прямо-таки глядевших нам в рот, и музицировать на загаженном городском пленэре, стоя промозглом ветреным вечерком в перекрестии цепелиновых лучей и трёх-четырёх десятков настороженных взглядов – две большущие несопоставимые разницы. Приняли нас не сразу, хотя били недолго – возжаждал громкой славы – укрепляй вестибулярный аппарат! – так что с крохотной натяжкой дебют можно назвать удачным. Полагаю, выручила, говоря языком R, наша «единственность и неповторимость» – по крайней мере о других «прожектах» подобного рода лично мне неизвестно. Мы оказались тем рач-

² Здесь – что почём (*англ.*).

ком-наутилусом, кого взбалмошная Фортуна подбросила на обмелевшее людское безрыбье в самое нужное время в самом нужном месте, и изголодавшийся по прекрасному слушатель, не веря своему счастью, скоро споро тащил нас на берег, но и мы, в свой черёд, тоже тащили его – прочь от злобных старух и разбитых корыт, и толком было не разобрать, кто же из нас рыбак, а кто улов. Лихо беда начало – крючок был проглочен, и в ход пошла тяжёлая артиллерия: наработанная годами техника и воссозданные по памяти тексты «нетленок». Хорошо забытое старое чувство товарищеского локтя, кропотливые «репы» и никуда не девшаяся любовь R к басу работали в плюс нашей сыгранности, а заморивший первого червячка слушатель, распробовав, требовал ещё и ещё. Стали подавать, и щедро – так решилась проблема заработка (треть уходила «крыше», треть – муниципальному упырю, оставшееся съедалось, по меткому выражению пьяного R, «наляпопам»). В благодарность мы решились расширить репертуар и осторожненько шагнули от музыки чуть в сторону, сначала просто зачитав вслух, а после и сынсценировав в лицах всем известные анекдоты и собственные житейские байки. Прокатило на «ура»:

– Может, песню спеть?

– Можно, можно.

R куртуазно перемигивается с одной из слушательниц, я выжидающе низаю его глазами. Наконец, он как бы просто-душно прозревает:

– А-а-а, ты имел в виду – «МЫ СПОЁМ»! Ну конечно (в сторону слушательницы), без меня, понимаешь, никуда, потому что... потому что... потому что НЕКУДА!

Или вот:

– Света не будет до пяти.

– Хорошо, начнём в половине шестого.

– Так это... в объяве же не сказано, что свет дадут в пять... там написано, что его не будет до 17:00!

– А-а-а... то есть потом, вполне возможно, его не будет и дальше?

– Ну да.

Или напористый душещипательный солилоквиум:

– Рисую вам картинку: во льдах Антарктики похаживает горстка вислоккрылых пингвинов. Клювами пощёлкивают, ластами поскрипывают, слышно беспокойное птичье кудахтанье, даже рыбу для пропитания ловить позабыли – сочиняют свою пингвинью национальную идею. *(Пауза.)* Есть нация, избранная Богом – евреи, и есть отвергнутая – русские. Избранные на отвержение. Отвергающую руку любят более приветчающей. Русские более самих евреев любят «еврейского» Бога. Интересно было бы взглянуть на еврея, молящегося Перуну или Дажьбогу. *(Возвышая голос, покуда выкупают и не побили.)* А ты – выполнил ли сегодня свою дневную норму отчаяния? Вытошнит – иль пронесёт? Как знать,

а чем ещё чревато чрево? (*Упадочный мах рукой.*) Да мне и самому противно то, что вам неприятно. (*И в сторону – увильнув от прилетевшего отломка шифера.*) Пожалуй, всё же надо чаще носить на лице своём запустелом оскал чело-веколюбия.

Есть контакт. Занавес. Шквал рукоплесканий. Толпа наша.

Со временем у «Трансформатора» с публикой сложилось вполне гармоничное взаимопонимание. Уставшие за день чумазные работяги, утирая пот и копоть, улыбками встречали героев наших песен словно старых знакомых, провожая их неистовой овацией. В перерывах подходили, мяли руку, целовали, угощали: «Нам песня строить и жить помогает!» Со своей стороны мы в грязь лицом не били и в поисках сюжета для новых песен рыли носом землю, не жалеючи ни себя, ни инструмента. Перечеркнуть доверие и репутацию мог любой пустяк, любой неверный шаг – тут в голову лезет притча про Олафа-Мостостроителя – и мы, как два канатоходца, продолжали нащупывать путь к людским сердцам в кромешной темноте безо всякой страховки, стараясь не глядеть вниз, а только вверх и вперёд, но самое главное – ни единой строчкой НЕ ВРАТЬ. Как говаривал фронтмен горячо чтимого нами «КИНО»: «За честность нам простят всё: плохой звук, слабый текст...» Как в воду глядел.

Наш исполнительский уровень оставлял желать лучше-

го, инструментарий выжимал слёзы жалости, а убогонькие аранжировки заставили бы рыдать «Автоматических удовлетворителей», но мы росли над собой не по дням, а по часам, впрочем, не сильно заикливаясь на внешней стороне вопроса – в этом смысле мы были самыми отъявленными панками. Нам невероятно повезло жить на стыке эпох, о чём нашим предкам и потомкам приходится только мечтать. Совсем скоро на смену пузатым ЭЛТ-мониторам и 486-ым арифмометрам придут жидкокристаллические панели и домашние сервера, а новомодные шайтан-коробочки пейджеров без боя сдадут пьедестал коммуникаторам и первым смартфонам. По всем фронтам музындустрии наметятся серьёзные подвижки, народятся первые квалифицированные продажные аранжировщики, оборудование подешевеет и подоступнеет, и каждый от горшка двухвершковый ламер-самоучка станет срать продуктами своей духовной жизнедеятельности вполне приемлемого качества. Но это всё потом, перед самой *Катаклизмой*, а тогда...

Интернет дал миру, как и любому из его ничтожных субъектов, уникальную возможность свободно запердолить своим ничто во всеобщее и ничьё никуда – мы возвращали року его первоначальный смысл. Мы рвали себя в фарш на каждом выступлении, как будто оно последнее (учитывая состояние пациента, такое могло очень даже вполне). Оставаясь в душе махровыми олдами, мы неустанно экспериментировали с формой и содержанием, мешая в гремучую смесь

априори взаимоисключающие ингредиенты и вливая ещё не остывший, скажем, *хэви-ментал* в развесистые ушки доверчивой аудитории, а в бисовом отделении, наспех сполоснув грим, вместо ожидаемого перепева полюбившихся хитов внезапно обрушивали на гудящие головы, скажем, полу-часовой моноспектакль за моим исполнением; мы нещадно стегали по сусалам взмыленное вдохновение бегать нагишом по зимнему лесу в погоне за неуловимым; мы гоняли наших слушателей туда, куда и Макар телят не гонял... впрочем, и они гоняли нас тоже... своей телячьей податливостью. Путём проб, ошибок и ненаучного тыка мы учились чувству меры, мы искали – и находили! – гармонию образа и его значения, соответствие внешнего оформления внутренней идее, мы сильно рисковали – и я сейчас объясню почему.

В безмятежные молодые годы основной части нашей аудитории понятие о «шоу» на рок-концерте и о сценических костюмах было чисто конкретным, и мало кто отваживался отступать от канонов, определяющих поведение рок-группы на сцене и её внешний вид: длинные волосы, джинсово-рванно-заплатно-просторные одежды или широкие белые приталенные рубахи – довольно известный стандарт раздолбайских пассивных семидесятых, унаследованный холодными, математически выверенными, компьютерно-чистыми и активными восьмидесятыми – «ревущими восьмидесятыми», как сказал один наш знакомый музыкант. Рокеры вообще, в массе, не отличаются гибкостью и быстротой мышления, и

в их костюмах это было тогда очень заметно. Кое-кто накладывал и грим на свои бледные лица, но ежели уж до такого доходило, то непременно за образец бралась группа *KISS*, и никаких других вольностей никто себе не позволял. Сценическое же «шоу» заключалось, в основном в принятии певцом вычурных «красивых» поз (помню, тот же гитарист всё шутил по этому поводу: «Смотри, опять он в ПАУЧЬЮ ПОЗУ встал...»), а поскольку специально заниматься пластикой рокеры считали ниже своего рокерского достоинства, то эти позы порою получались очень неплохими – стремясь сделать «красиво», неуклюжие волосатые парни иногда двигались настолько забавно, что с профессиональной, в смысле пластики, точки зрения, это было, может, и очень даже неплохо, но в целом выглядело неталантливой пародией на западные группы среднего уровня, известные только по фотографиям и записям пластинок: ноги чуть согнуты в коленях, корпус наклонён вперёд, чуть прогнувшись в спине, прямые руки отведены назад и вверх, пальцы рук (а желательно и ног) сжаты в кулаки, глаза сверкают – поза демонстрирует мощь и решительность. Апогеем шоу всякой хоть немного уважающей себя группы было падение гитариста на колени в особо патетических местах и игра на гитаре в этом положении, прогнувшись в спине, и с головой, закинутой назад. Особый шик был, если длинные волосы гитариста при этом доставали до пола.

И вот теперь, привыкшие ко всему этому безобразию,

постаревшие фаны самопальных рокешников с удивлением взирали на R, на его кружева, кольца с поддельными бриллиантами, на вышитую накладной позолотой жилетку, на его аккуратный и изысканный грим, совершенно непохожий на грубо размалёванные рожи хард-рокеров, и на Франкенштейна, в которого превратился я с помощью грима, лака для волос и объединённых гардеробов разгромленных ТЮЗа и Госцирка. Признаюсь, бывало, что и освистывали.

В отличие от традиционных красивых поз ленинградских старых рокеров мы ввели в концерт уже откровенно срежиссированное шоу – я, как уже имеющий опыт сценической хореографии, иногда оставлял гитару и переключался на пластические ужасы – например, в фантастической песне «Ночной грабитель холодильников» я изображал этого самого грабителя. Скажу по секрету: кроме как потрясти башкой и урвать автограф, зритель приходит на своего кумира, чтобы досмотреть, выживет тот на этот раз или нет – и у обоих, как вы понимаете, выбора особо нет: подписался груздем – не говори, что не дюж, грибы не разговаривают. Творчество – оно сродни рвоте: уж коль пришло, так обратно не затолкаешь. Видно, и впрямь судьба: и самому тебе, заносчивому, и слову твоему, окаянному, вечно выламываться за пределы.

Мы с полуслова вытягивали друг друга в сложных вокальных местах, с полукивка импровизировали там, куда ткнула дирижёрской палочкой порхнувшая над головой муза, и единственная всплывающая в памяти осечка случи-

лась, когда R, с удовольствием играя загодя составленный на бис плейлист, наотрез воспротивился исполнить, так сказать, просьбу из зала. «Шлуженье муж не черпит конформизма! – шамкал он дома после концерта, жуя честно заработанную краюшку. – Мы не лабухи, лабухи – не мы! Ишкушство не может быть на потребу... на по требованию! Хопшешь – ижволь, но беж меня!» «Мы и так на потребу. Тебе что, трудно?» – риторически пожимал я плечами – признаться, по большей части мне было всё равно, что играть, лишь бы не галимую попсу. «Не трудно, – риторически ответствовал басист. – Ты положи им палец в рот – по локоть отхватят. Вот тогда будет трудно. Синатру, небось, не закидывали бы заявками сбачать «Владимирский централ». Ешьте что дают». «Так и ты не Синатра!» – не сдержавшись, заводил я. «Конечно, – невозмутимый как кафель R протягивал мне двухэтажный бутерброд с маргарином. – Я лучше! Имей же хоть каплю человеконенавистничества!» Отхохотавшись, порешили сжалиться и попробовать – только попробовать! – как бы невзначай разбавлять антракты чем-нибудь умеренно *мейнстрёмным* в самой щадящей обработке. На том ударили по рукам (***) и более к теме не возвращались. Слушатель был удовлетворён, мы и подавно – вот она, волшебная сила искусства! Забегая вперёд, проспойлерю, что никто третий, будь то клавишник, подтанцовщица или менеджер, в группе не прижился: во-первых, нам было неплохо вдвоём, и обкатанный нашим тандемом общий ритм жизни стал одним из

тех потайных ходов в святая святых Его Величества «Трансформатора», куда постороннему, сами понимаете, ход был строго-настрого заказан, а во-вторых, опять же выражаясь словами R, «как бы низко ты ни пал, всегда возможно пасть ещё ниже, но даже зарабатывающие на твоих падениях раньше или позже утратят к тебе интерес». Что характерно, почин наш не пропал втуне – впоследствии времени до нас дошли слухи о других уличных группах, а в Подмоскovie, передавали, организовался даже почти полноценный оркестр. Но я без зазрения гордости ответственно заявляю – первопроходцами постап-стритзингерства были мы.

Икона глэм-рока Страны заходящего солнца Дэвид Боуи, негодуяюще сверкая мелированной макушкой после своего турне по постперестроечной Стране пьяных балалающих мишек в ушанках, посмевших – страшно подумать! – СИДЕТЬ на протяжении всего его шоу (спасибо, хоть *semechki* не лузгали), тем не менее признавал, что Россия – единственная известная ему страна, где к року относятся серьёзно. Нашу песню каждый понимал по-своему, даже дети – в этом и заключается феномен «русского рока», вызывающий такое обильное слюноотделение у русофобов и славянофилов по совершенно непонятной для меня причине: с моей дилетантской колокольни отчётливо видится, что ларчик сей не просто просто открывается – он не заперт от слова «вообще» и умещается в одно предложение. Танцевальное качалово-и-крутилово, выросшее из чёрного ритм-энд-блюза и

белого кантри и упавшее в благодатную почву непаханого русского поля, стремительно обрусело, решительно сбросило хвост и с головою погрузилось в текст, в Слово – а Слово в русском языке было, есть и пребудет вполне реальной мистической силой: Словом можно убить, Словом можно спасти, Словом можно полки за собой повести, Словом можно продать, и предать, и купить, Слово можно в разящий свинец перелить. Палку наш брат, вестимо, перегнул, без этого ему всегда слишком скучно: ничуть не утратив исконного мелодизма и напевности, русская песня по привычке набухла фрактальной матрёшечной вложенностью смыслов, тем самым вытянув все соки из музыкальной составляющей. Она, песня, всегда брала именно содержанием, тут ей равных нет, и русский рокер рассказывал свою песню именно Словом, в то время как нерусский – Музыкой, где отродясь чувствовал себя как рыба в воде. Должно быть, генеалогическое древо русрока, прижившись, пустивши мощные корни и богато заплодоносив, наряду с национальной спецификой впитало и опрощенческую концепцию графа-косаря, что отразилось на урожае существенным снижением музыкальной калорийности, чем с удовольствием козыряют западники, характеризуя нехватку этой самой музыкальности словами «и так сойдёт», что в какой-то мере справедливо, однако, на мой взгляд, такое всё же лучше, нежели виртуозное музло с напетой шелухой вроде «О май бэйби, йе-е-е!». Если мне не изменяет память, в последнее *докатаклизматическое* время ситуация

как будто бы начала выправляться. Оставалась сущая малость: поддержать отечественного производителя электробалалаек да ударить автотюном по бездарь-рожью и разгильдяйству, а там, глядишь, – и до коммунизма недалече. К Слову сказать, в дальнейшем аналогичная судьба постигла и рэп, когда добропорядочный русский ванёк – *aka* «проект» новоявленного продюсера – по наущению последнего заплёл дрэдлоки, замахал распальцовками, затряс мешковатой приспущенной задницей, затопал раскачивающейся как на шарнирах подскакивающей походкою и невменяемо забредил в нос матерную тарабарщину, по примеру неграмотного «гэнгста» из гетто ломая язык и глотая окончания исковерканных инглиш-исходников: «Но хомо, хоуми, но хомо!» Ни шагу назад – позади трущобы! Да будет русрокерский «скрим» с обнимку с русрэперским «рил током» нашим ответом амерусскому «Какие вящи докъязательства?»! Аккультурация, мля! В бхай бхай руси умеют не только с хинди! Но камбэк уже к нашим баранам – заждались, поди. Йоу, бро, на чём я остановился? Ах да, на многоточии после «и всё бы айс, но...»

И всё бы айс, но только имелась у нашего «Трансформатора» одна нехорошая врождённая болячка, могущая до конца наших дней так и проспать в своей зиготе, но угрозой своего потенциального пробуждения хронически маячившая перочинным дамокловым гом-джаббаром у самой яремной вены нашего двуглавого бэнда. Речь о дуумвирате. Кидайтесь

камнями, но я буду стоять на том, что одна голова у группы хорошо, а две – ненормально. Чтобы не выродиться в крыловский квартет и хоть куда-то двигаться, ей нужен вожак. А чтобы двигаться целенаправленно и бесперебойно, вожак должен быть диктатором. Идеальный рецепт не раскачивать лодку – когда все гребцы равны, а капитан вдвое равнее.

Недуг сей, к сожалению, сплошь и рядом игнорируется, особенно неоперившимися группами, и даже почасту необдуманно преподносится ими как преимущество: чем, дескать, больше народу пишет матерьялу, тем, дескать, больше полезного багажа для восхождения на музыкальный олимп, бла-бла-бла. Нет, други, поверьте, это так не работает. Багажа, точно, становится больше, вот только вместо изящной башенки из слоновой кости он скорее напоминает грубо сколоченную из случайного подножного хлама временку. Масла в огонь подливают разного рода взаимные претензии, до поры до времени насильно сбрасываемые со счетов ввиду своей кажущейся несущественности, но подсознательно приберегаемые на чёрный день. Такой «багаж» – отнюдь не подспорье штурмовику вершин, он тянет вниз и назад, если вообще позволяет двинуться с места. А остановка на этом пути – смерть. Прецедентов тому предостаточно – взять тех же *The Beatles*.

Мы с R новичками не были и прекрасно отдавали себе отчёт в опасности двоевластия, однако прийти к кому-либо решению не смогли. Обкашляв ситуёвину вдоль и поперёк,

мы постановили вверить себя божьему провидению, а в качестве профилактических мер чётко разграничили внутригрупповые епархии: текстá, вокал, ритм-секция и менеджмент отошли мне, а R взял на себя бас, солирование, бэк-подпевку и, что немаловажно, ремонт нашей нехитрой аппаратуры (понятное дело, никто не запрещал басисту предлагать для аранжировки спонтанно написавшийся текст, а текстовику – вставлять в композицию экспромтом слетевший с пальцев соляк, в безотходное производство хитов шло всё, лишь бы оно, как мы говорили, «попадало»). Переложив с больной двойной головы на ещё более больную, «Трансформатор» вернулся к репетициям.

С третьим (а на самом деле первым) действующим лицом (на самом деле мордочкой) слушатель познакомится чуточку спустя, в самом начале следующей записи... да вот, собственно, и она!

ЗАПИСЬ НОМЕР СЛЕДУЮЩАЯ

Спазмы – ещё один отголосок прокатившейся по нам *Катаклизмы*, *Отклонение* мира, с точностью метронома, обычно поутру, наподдающее спящим городам мощного сейсмического пинка. Беря во внимание, что даже в пределах одной страны восход как бы течёт с востока на запад, можно нарисовать себе картину, достойную перьев Босха и Айвазовского: вот стелется, точно огонь от спички, наливаясь оранжевым, солнечный фронт, а по пятам, настигая и давя отста-

ющих, наплывает зловещий, приземистый, окутанный пылевыми взрывами вал. Красота.

Иногда, как вот не далее чем вчера, *Спазмы* случались раньше установленного *Катаклизмой* срока, но никогда позже. Первое время думали – землетрясения. Оказалось – ничего общего. В присутствии головастика о них старались не говорить – умеющая много гитик наука, с грехом пополам установив внеподземную природу загадочных пароксизмов, встала раком в тупик и здесь. А мы чо, мы ничо. Привыкли и к *Спазмам*.

Назавтра *спазмануло* ещё затемно – и спасибо, хоть не сильнее. Ладно. Кто рано встают, тем больше подают. Малость опохмелившись и позавтракав, мы сдержанно и максимально туманно отсалютовали *Катаклизме* за дератизацию, настроили гитары и драм-машину, зарядили портастудию фонограммой, смотрели микрофоны, упаковали шмотьё и выползли на божий электрический свет – «на дело», как говорит R.

Улицы большого города никогда не бывают окончательно пусты, но есть один момент, когда само пространство вдруг затаивает дыхание, и в уже не совсем темноте только-только начинают проклёвываться даже не сами очертания, а приблизительные намёки на них, отчего кожу холодит и мурашит незабываемое чувство какого-то пошагового узнавания предметов, словно не высматриваешь, а лепишь их из мягкого вязкого мрака. Есть в этом что-то сакральное. Увы, миг

сей подобен предутреннему сну – так же ярок и так же до обидного быстротечен.

Зачем-то стараясь не шуметь, мы пробираемся к расчищенному с вечера пятаку. В зените щетинится прожекторами бряклая туша цеппелина. Невидимый остов универмага сыплет под ноги цветной горошек рекламного газа неона, «отравившего» больше народу, чем иприт. У остановки, как под током, подрагивает тонкая рябина, полная своих невысказанных и недопроявленных рябиновых идей и ощущений. Тишины столько, что она кажется скорее неким переосмыслением тишины, нежели тишиною как таковой. Уши произвольно ловят далёкий собачий лай, который непременно должен вот-вот раздаться и который никогда не раздаётся («Не живи в городе, где не слышно лая собак, – учили древние вавилонские амораи. – Это значит, там живут неприветливые люди»). Сентябрьские улицы бездыханны и мокры, фонари бледны, непогода вкрадчива. Дождик, первый враг стритзингера, отдаёт ацетоном и требовательно тарабанит по плечам своими червеобразными присосками, и кажется, что это слепые крысята тычутся в тебя мягкими липкими носиками; лизнёшь – вяжущая горечь, не ядовито, но гадостно. Здания почтительно склоняют пред нами свои костлявые силуэты – они прозорливее современников. Занимается обычное рабочее утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.